

Галина Казликина

Общага

Янина Казликина

Общага

<https://litres.ru/74506924>

SelfPub; 2026

Аннотация

Повесть о времени и о себе! Повествование о жизни в общежитии и учебе, о друзьях-товарищах, подругах, событиях, которых множество случается в жизни, когда вы молоды и активны. Как овладеть профессией переводчика? Что надо знать и уметь? Кто такой цветовод-декоратор? Нам казалось, что это человек, который поливает цветочки в горшочках. Мы были ошарашены, когда нас бросили на стройку, где нужно было во дворе дома лунный пейзаж преобразовать в уютный скверик для отдыха! В училище мы изучали парковое искусство, а после применяли свои знания, преобразая новостройки нашего города. И при этом мы продолжали совершенствовать свои знания и умения в высших учебных заведениях. Мы бережно относились к своей жизни, а жизнь бережно относилась к нам. Время, когда мы были счастливы!

Содержание

Общая Глава 1. «Как много девушек хороших...»	4
Глава 2. «Не кочегары мы не плотники, а цветоводы...»	48
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Янина Казликина

Общага

Общага Глава 1. «Как много девушек хороших...»

Какая роскошь — быть не в моде
И жить, ни на кого не глядя,
И одеваться по погоде,
Не ради взглядов встречных дядей.
Прослыть не побояться дурой,
Не прибавлять платформой роста,
Не подгонять свою фигуру
Под «шестьдесят» и «девяносто»,
Веселой быть и самодурной,
Зевать, коль станет слишком скучно...
Какая роскошь быть немодной,
А быть, самой собою, штучной!
Лариса Рубальская, 1945 г.р.
(мои записные книжки)

Наша общага приютилась на самой окраине города в четырехэтажном кирпичном доме. Кругом были промышленные предприятия. Дальше начинались спальные районы Гражданки. (Гражданкой называли Гражданский проспект, который в шутку наши работники газонов переименовали в ГДР и ФРГ. Расшифровывали эти аббревиатуры так: Гражданка Дальше Ручья и Фешенебельные Районы Гражданки!) Наша общага находилась тоже на проспекте, вроде бы на большой широкой улице, но эта улица была мало похожа на проспект. Большого транспортного движения здесь не было. Ходили автобусы и троллейбусы, но редко.

На первом этаже жили очень пожилые бабушки, которые выполняли работу дежурных по общежитию. Когда-то они работали на цветочном комбинате, который находился за нашей общагой. Бабушки были пенсионного возраста, но не бросали работу, так как здесь можно было и работать, и жить. Дежурили сутки через двое. Несколько человек приходило со стороны. Бабушки любили пообщаться с молодежью — и все на виду, и новости тебе первой расскажут. Интересно же! У бабушек по какой-то причине своих семей не было. Следили, кто пришел, куда ушел. Получали почту и распределяли ее по алфавиту в ячейки систематизатора, висящего на стене.

Бабушки занимали всего несколько комнат, остальное пространство было предусмотрено для хозяйственных нужд. Здесь находились душевые, прачечная, танцевальный зал с

небольшой сценой, где мы частенько организовывали разные вечера или просто устраивали танцы. Слушали приглашенные ансамбли гитаристов, народников или какие-нибудь самодеятельные коллективы из Домов культуры города. Здесь же находилась администрация нашей общаги: комендант со своей командой, сантехники, слесари и столяр дядя Коля. На первом этаже находилась маленькая мастерская, где несколько рабочих постоянно занимались мелким ремонтом: их можно было позвать, чтобы люстру повесить, холодильник подключить, замок в дверь врезать или ключ выточить, зонт починить или набойки на каблуки приладить и так далее.

На втором этаже жили медсестры из Военно-медицинской академии, на третьем этаже жили мы, молодые работницы садово-паркового строительства. На четвертом этаже были складские помещения.

Рядом с общагой находилось несколько небольших продуктовых магазинчиков и магазин «Цветы». За общагой раскинулся цветочный питомник, который и поставлял цветы в этот маленький магазинчик. Выращивали в основном гвоздику ремонтантную всех оттенков: от белой до ярко-алой. Это крупноцветная гвоздика, которая цветет в течение года, а не только один раз. Местность вокруг общаги была обжитой, в двух шагах находилась домовая кухня, парикмахерская, фотоателье; напротив общаги, через дорогу, стоял большой продуктовый магазин, вдоль магазина настави-

ли пять телефонных будок. Чуть дальше — магазин «Детский мир», где наши молодые мамочки приобретали вещи для своих малышей, а также игрушки, трехколесные велосипеды, детскую посуду. Еще дальше — площадь, где возвышался большой универмаг, пошивочное ателье и кинотеатр с массивными колоннами с претенциозным названием «Гигант», там же находилось трамвайное кольцо шестого маршрута и колхозный рынок.

Забыла упомянуть — напротив общаги находилось несколько больших сталинских домов, ателье проката и библиотека с читальным залом, где я в основном и пропадала. За библиотекой, вверх по проспекту — кладбище, густо поросшее кустарниками и деревьями. Это кладбище было границей между Калининским и Выборгским районами города. Калининский район заканчивался пустырем, в самом конце которого находилась военная часть, школа прапорщиков и дома для семейных военнослужащих. Этот островок на отшибе называли «колхоз». Военная часть, дома и все хозяйственные постройки утопали в зелени кустов и деревьев. Особенно много здесь было высажено сирени и акаций.

Между этими кустами петляла узенькая тропинка, и помню, как я быстро, буквально рысцой пробегала по этой тропинке, когда разносила почту: письма, газеты и журналы. Страшно было. Летом еще ничего: световые дни длинные, смеркается поздно, и я успевала все разнести по квартирам до сумерек. А вот уже осенью было очень боязно сюда хо-

дить. И я обычно старалась к этому времени закончить доставку почты. Тетя Галя, моя старшая коллега-почтальонша, просто умоляла меня походить еще какое-то время.

— Золотце, ну выручи меня, походи еще месячишко, помоги маленько!

Но я ссылалась на учебу и отказывалась. Приработок, однако, для студентов был хороший. Все что зарабатывала за лето, я тратила на подготовку к занятиям в университете. Мне всегда требовались куча тетрадей, ручек, карандашей, книг. Приходилось обновлять худо-бедно одежонку, да и так, по мелочам: пудру там, помаду, зубную пасту, шампунь, мыло, стиральный порошок тоже надо было купить впрок. Иногда удавалось купить пару-другую обуви: может быть, не очень модную, зато теплую и удобную. Верхнюю одежду — плащ, пальто, куртки — покупали в кредит или шили на заказ в ателье. Свитера, кофты, безрукавки вязали сами. Шапки, варежки, шарфы, само собой, никто не покупал. У некоторых девушек были золотые руки. Были такие мастерицы, которые вязали круговыми спицами. Так они такие себе наряды вывязывали — прямо загляденье! Вязали даже юбки и полупальто! Правда, для полупальто требовался ватин, подкладочная ткань, а также потратиться на ателье, чтобы все это «посадить» как надо, и — вуаля! Вещь получалась ничем не хуже, чем из магазина. Теплое вязаное оригинальное полупальто!

Сегодня это уже нонсенс, конечно. Когда вязать-то?! Руки

гаджетами заняты! Надо пальцами без конца экран листать, по интернету рыскать, да и проще — заказал, тебе взяли и привезли! Вот это жизнь! Прогресс! А вязать — это ж головой думать надо, петли считать, ё-мое! Сейчас, если вы найдете еще таких мастериц, то, скорее всего, убедитесь, что вяжут они только эксклюзивные вещи. Ручная вязка сегодня большой раритет!

Девчонки, жившие в общежитии, были исключительными умелицами: умели готовить, шить и вязать. Я, честно говоря, не была такой рукодельницей, но, глядя на них, тоже начала учиться, и у меня стало получаться!

Кроме того, это были очень красивые юные особы! Вот, к примеру, Лика. Все, однако, называли ее только по прозвищу. А прозвище у нее было знатное... Джоконда! Репродукцию Джоконды когда-нибудь видели? Представляете? Так вот эту девушку было просто не отличить от знаменитой картины Леонардо да Винчи! Лика у всех вызывала удивление и восхищение! Это сходство не могли изменить ни современная одежда, ни даже ее многочисленные веснушки на носике и щеках! Она, конечно же, не задержалась надолго в общежитии. Молодые люди проходу ей не давали. В конечном итоге увез ее какой-то военный к месту своей службы.

Другая девушка, Лена, занималась в детстве балетом, а может, просто ходила в танцевальную школу, я уже не помню. У девушки была такая походка! Она ходила, не касаясь земли! Мне так казалось... Как будто у нее за спиной было

два прозрачных крылышка, как у эльфики. Она привыкла ходить так, как ее научили в танцевальной школе. По-другому не умела! Это была уже привычка на уровне подсознания. Шла, строго вытягивая носочки, с идеально прямой спиной, выгнув свою и без того длинную шею и слегка расставив руки. Она так ходила всегда, каждый день! Про нее говорили: «Вон, балерина пришла!»
, «Сходи, спроси у балерины...»,
«Ты не видела балерину?». И так далее.

Зачем она поступила в училище, в котором учили сажать деревья и кусты и с лопатой стоять на газоне — была загадка сфинкса! Говорили, что Лена обошла все театры Ленинграда и устроилась в одном из них то ли билетершей, то ли гардеробщицей. Все-таки рядом с искусством! Мне кажется, она и в театре поразила всех своей походкой...

Жила еще в общежитии Оля из Киргизии. Я с ней была дружна. Оля мне нравилась, потому что была веселая, позитивная, совершенно без амбиций.

Увидев меня однажды медленно бредущей по коридору с портфелем после занятий, Ольга окликнула:

— Ян, привет! Из универа своего ползешь?

— Из него. А что?

— Тебя какой-то молодой человек искал.

— Понятия не имею, кто меня мог искать...

— Ну не прикидывайся, сказал, что вместе с тобой в поезде ехал.

— Я весь поезд не упомяну. Ну ехал и ехал, надо будет, еще раз придет. А вообще, на будущее, говори, что такая здесь не проживает, я еще голову ломать буду — кто да что.

Я, конечно же, хитрила. Отлично помнила парня, который ехал со мной в поезде и прямо-таки не сводил с меня глаз. В разговоре я была уклончива, но тем не менее он выведал, где моя общага, и надо же — приперся!

Я часто разговаривала с Ольгой на темы совместного житья-бытья русских с киргизами. Мне это было интересно, потому что я сама была из мест, где жило многоязыкое население: литовцы, поляки, русские, белорусы, латыши опять же. Но киргизы — совсем другой народ. И я, и Ольга учили историю страны по одному учебнику, история Литвы и история Киргизии были описаны в этих учебниках в общих чертах. Нам было известно, что территория Кыргызстана, как и вся Средняя Азия, является одним из древнейших очагов человеческой цивилизации. Киргизы — этнос, известный в Центральной Азии уже в первом тысячелетии до нашей эры. В IV—III веках до нашей эры древние киргизы входили в мощные племенные союзы кочевников. Как известно, киргизы были хорошими наездниками и частенько беспокоили своими набегами Китай. Китайцы долго терпели такое непотребство, однако не выдержали и построили Великую Китайскую Стену. А в I—II веках киргизы образовали свое первое госу-

дарство — Кыргызский каганат. Здесь у киргизов возникла письменность и был сочинен огромный по объему народный эпос «Манас», вобравший в себя сведения по истории, развитию общества, обычаях и быте древних киргизов.

Присоединение киргизских земель к России началось в 1850-х годах. В 1863 году Северный Кыргызстан был присоединен к Российской империи, а в 1876 г. — Южный. Затем были еще разные территориальные преобразования, и в 1926 году Киргизия получила статус Киргизской АССР*.

Я спрашивала Ольгу:

— Слушай, Оль, а как вы там в вашем Оше живете? Улица с киргизами, улица с русскими, или как?

— Русских здесь очень мало, новые не приезжают, живут те, что еще при царском режиме здесь осели, а потом остались их наследники.

— А как в школе у вас учатся? На каком языке преподавание идет?

— У нас киргизов и узбеков живет приблизительно равное количество, поэтому школы строят русские, киргизские, русско-киргизские, киргизско-узбекские. Одним словом, какое население преобладает, такие и школы появляются.

— Ош большой город? Вузы есть? Училища там разные?

— Сколько угодно. Киргизия и Узбекистан — республики, специализирующиеся на выращивании хлопка. Вузы там соответствующие: сельскохозяйственный институт, техникумы того же профиля. Есть медицинский институт. На-

верно, и другие есть, не знаю.

— Слушай, Оль, какая тебе разница, здесь, в Ленинграде, кусты и деревья сажать или хлопок у себя там, под боком, выращивать? Надо было тебе такую даль переться!

— Я уже это поняла. Поеду обратно. У нас хотя бы тепло весь год, а тут я мерзну как цуцик!

— Слава богу, Литва и Ленинград на одной параллели! У меня с этим проблем нет. Хотя зима у нас мягче: местность холмистая, негде ветрам разгуляться. Ты вместе с Галей поедешь?

— Я еще не говорила с ней на эту тему. Все зависит от того, приедет или нет Петр. — (Петр был парень Галки). — Если да, они тогда вместе к его матери поедут. Я буду уже лишняя... посмотрим...

Наша общая подруга Галя из Крыма была очень хорошенькая. Невысокого роста, стройная и грациозная. Она готовила очень вкусные борщи.

Бывало, зайдешь к ней, а она сразу предлагает:

— У меня свежий борщ. Тебе насыпать?

— Почему «насыпать», а не «налить»?

А она отвечала, мол, «у нас в Крыму все так говорят».

Однажды Галю навестила подруга из Джанкоя, и случилась такая история! Кухня у нас была общая, разумеется. Звали Галину знакомую Лана. Лана решила пожарить кар-

тошку. Начистила, намыла, порезала брусочками, накалила сковородку, разогрела масло и бросила в масло картошку.

Потопталась у плиты и говорит:

— Ой, надо еще головку лука порезать!

И пошла за луком. У Гали лука не оказалось.

Лана зашла ко мне:

— Дай головку лука!

— Я редко готовлю, лук не держу, — отвечаю ч.

Лана пошла дальше. По дороге забежала еще раз на кухню, посолила картошку.

Не знаю, долго ли она искала головку лука, только Галя вдруг зашла ко мне и говорит:

— Ты на кухню не выходила?

— Нет, а что?

— Ничего! Сковородку с картошкой кто-то спер!

— Да ну! Не может быть....

Я, Лана и Галя пошли искать нашу сковородку по запаху.

Мы открывали каждую дверь и объявляли:

— У нас сковороду с едой сперли! Это не вы?

И что вы думаете? Мы-таки нашли нашу сковородку у одной компании. Компания была уже «тепленькая». Лично мне эти люди не были знакомы. И я сразу ушла к себе, а Галя и Лана остались побеседовать. В этой компании был парень один. Он как увидел Лану, так и не отходил от нее весь вечер. Галя махнула рукой на картошку, но предупредила Лану, чтобы та сильно не загуливалась, забирала сковородку и

шла спать.

Да как тут уснешь! Парень местный оказался... Эх, если бы не сковородка с картошкой, не состоялась бы новая семья! Одним словом, поженились они. А там и дочка на свет появилась... Вот вам и сковородка с картошкой! Пошла ругаться с ворами, а встретила жениха! Да что там жениха — судьбу свою!

Галин парень служил в армии, а после армии собирался ехать в Киргизию, где жила его мама. Оля ее опекала как уже будущую землячку. Где Крым, где Киргизия — а вот как судьбы пересеклись!

Из Узбекистана жила в общежитии Верочка. Ах, что это была за Верочка!

Честно говоря, я очень удивлялась: наша группа включала в себя представителей практически всех республик СССР! Но это не были представители разных этносов, нет, это были русские люди.

Вера являла нам образец не просто хорошего воспитания, но чего-то очень возвышенного и исключительно женского! Она была само очарование: невысокого роста, тоненькая, с идеальной фигурой. У нее была прекрасная кожа лица. Светлые вьющиеся волосы, черные брови, ресницы на пол-лица и ярко-голубые глаза. Не девочка, а фарфоровая статуэтка! Она, конечно же, вернулась в родные пенаты, в свой Узбеки-

стан. Там ее ждали мама, бабушка, одноклассник Венечка, жаркое азиатское солнце, обилие ягод и фруктов. Сырой и дождливый Ленинград хоть и был хорош, но не для нее, потому что жить здесь Верочка не собиралась, а просто посмотреть. «Можно хоть десять раз приехать», — говорила она. А уж работа на лопате могла присниться только в каком-нибудь кошмарном сне. Такие тяготы жизни были ей просто-напросто противопоказаны!

Людмила из Белоруссии однажды всех насмешила. Как уже упоминалось, неподалеку от общаги находилась военная часть. Людмила была хороша собой, но у нее был пунктик. Если другие девушки, понимая, какая работа им предстоит, не показывали своего явного разочарования, а молча принимали решение вернуться к своим родным местам, то Людмила каждый день ныла и причитала:

«Не знаю, что мне делать, как смотреть людям в глаза, не дай бог, если кто узнает, где я учусь и кем буду работать...»

Ее захватило чувство ложного стыда. У многих она вызывала сочувствие. Дело осложнялось еще и тем, что Людмила встречалась с молоденьким лейтенантом из той самой сопредельной военной части. Молодой человек, познакомившись с Людмилой, просто лишился разума! Приходил каждый вечер и приносил ей разные сладости: вафли, зефир и конфеты, которые Людмила уминала за милую душу. Даже

по ночам.

Девчонки злились и подкалывали ее:

— Люська! Кончай хомячить! Растолстеешь, он тебя бросит!

По выходным они куда-то уезжали. Видимо, дело шло к свадьбе. Людмила не говорила своему влюбленному лейтенанту, где и кем она будет работать после училища. Но не зря говорят, что земля слухами полнится.

Работали мы как-то у метро «Площадь Мужества», учебная практика у нас была. Мы стояли на газоне, ровняли его граблями. Другая группа девочек находила неровности и снимала их лопатой, чтобы газон был «ровный, как стол». Так сказала нам наша бригадир, добавив к своему указанию целую связку отборных матерных оборотов. Она была очень недовольна, что ей дали целую ватагу бестолковых практиканток, «ни к черту годных».

Вдруг неподалеку остановилась военная машина. Из машины вышел человек в военной форме и направился прямо к нам. И тут Людмила, стоявшая с лопатой, бросает ее и пускается в бега что есть мочи. Лейтенант за ней. Это был он! Как он узнал, где его Людмила, одному богу известно и, возможно, военной разведке!

Бежит и кричит:

— Людочка, стойте! Остановитесь, Людочка, мне надо вам что-то сказать!

Мы просто рты открыли и уставились на эту картину мас-

лом! Людочка бежала так, что если бы на ее пути разверзлась земля или возник бурный поток, она, не раздумывая, бросилась бы туда с головой, и эта пучина поглотила бы ее, бедную... Лейтенант бегал быстрее. Он настиг беглянку и заключил в объятия. Людмила рыдала в голос. Вскоре рыдания стихли. К ним подошла наша бригадир и, видимо, отпустила Людмилу с лейтенантом. Они вместе пошли к машине.

Спустя две недели, может, больше, в общаге был объявлен сбор средств для организации девишника. Людочка и лейтенант расписались в загсе, и она уезжала к месту его новой службы. Счастью не было предела!

Я думаю, что лучше одиноким быть,
Чем жар души «кому-нибудь» дарить.
Бесценный дар отдав кому попало,
Родного встретив, не сумеешь полюбить.

Омар Хайям, «Рубаи»

Время летело очень быстро. Население общаги менялось также очень быстро. Рядом с моей комнатой поселились три девчонки. Две работали маляршами на цветочном комбинате, а одна служила то ли в бухгалтерии этого цветочного комбината, то ли в каком-то строительном управлении. Девчонки были бедовые, любили погулять и любовь покрутить. Парни к ним ходили из сопредельной военной части. Девушки

предпочитали взрослых серьезных мужчин. И надо сказать, что желающих угодить их нраву и привередливому вкусу было хоть отбавляй!

Я не была с ними знакома и сначала только наблюдала за их жизнью издалека. Две девчонки из этой комнаты постоянно торчали в курилке. Так мы и познакомились. Я тоже иногда туда заходила. Девушек звали Инна, Настя и Роксана.

Инна была скромной девушкой из многодетной семьи, а парень ее был из той самой военной части. Учился на прапорщика, его вроде бы собирались отправить в Афганистан. И Вовка с Инной срочно решили пожениться. Свадьбу справили в общежитии. Было весело! После окончания учебы мужа молодая семья уехала к постоянному месту службы, и мы больше не виделись. Инна прислала несколько писем, я ответила, но потом и переписка заглохла.

Настя была очень хороша собой, любила яркий грим и уж если куролесила, то от души, на всю катушку, меняя своих обожателей как перчатки. Думаю, что не ошибусь, если скажу, что серьезных чувств девушка ни к кому не испытывала, а ее яркая внешность и некоторая беспечность привлекали к ней любителей острых ощущений.

Эта беспечность сыграет с ней вскоре злую шутку, а пока Настена цвела и пахла! Невыразимая легкость бытия несла ее на гребне волны, и она, как сказочная нимфа, резвилась и плескалась в ее теплых ласковых водах.

Настена мне помогала, когда я уже попрощалась с обща-

гой и уехала в свою коммуналку. Мы с ней ходили по полупустым магазинам города и покупали мне шторы, матрац, подушки, раскладушку и другие предметы быта, которых не стояло навалом, как сегодня, а все надо было искать «днем с огнем». Как гласит одна мудрая пословица, «не имей сто рублей, а имей сто друзей». Друзья всегда выручат и помогут... Мы дружили, но я была занята своей учебой, а Настена куролесила с другими девушками в общежитии. В выходные они часто навевались в рестораны или в какой-нибудь гостиничный бар. Если бы не ее страсть к понтовой жизни, может, все бы и обошлось. Хотя как знать, судьба — штука непредсказуемая и не всех балует. Настена могла сто раз выйти замуж, завести семью и жить-поживать тихо и мирно, но нет. Прямо какой-то бес вселился в эту девушку. Любила она динамику парней и не задумывалась, что это риск, да еще какой! В те годы люди были поспокойней, не такие, как сегодня. И тем не менее Настена влипла в историю.

Как-то раз сидит она в баре и глазки бармену строит. Один коктейль, другой коктейль... Подруги, что с ней были, уже слиняли, бармен закрыл бар и пригласил Настену «отдохнуть». Она подумала: на самом деле — почему бы не соснуть часок. И пошла с ним. А когда поняла, в чем дело, было уже поздно.

Мы сидели с Настеной в моей комнате, она рыдала, уткнувшись в мое плечо.

Я ее обнимала, тихо повторяя:

— Ну все... ну ладно... все хорошо, забудь... все уже случилось... тихо, дорогая. Успокойся...

— Я у нее спросила:

— Ты не хочешь наказать его?

Настена подняла заплаканные глаза и, всхлипывая, ответила:

— Зачем? Он... мне... понравился, я... хотела с ним... продолжать встречаться, а он сказал, что... чтобы... я к этому бару за версту не подходила и еще добавил: «Мол, урок тебе на будущее, поняла?».

Настена снова разрыдалась...

— Ну-ну! Он еще и сенсей оказался!

— Кто?

— «Учитель» на японском, человек знания, так сказать...

— Да уж, научил...

— И все-таки, что будешь делать?

— Домой поеду... Надоело все...

И правда, вскоре Настена уехала в свои края и даже не попрощалась со мной. Возможно, я была, как всегда, занята чем-то неотложным...

Настена так влипала не один раз. Однажды связалась с женатым мужчиной.

Ко мне прибежала Инна, глаза на лбу, вся запыхавшаяся...

— Янка, что делать?! Настька с ума сошла! С отцом в постели лежала... представляешь?!

Я сначала не поняла.

— Что значит с отцом? Ты о чем?

— Как о чем!? Этот пузатый прапорщик, он же семейный, женат, и лет ему не меньше полтинника. А Настька с ним связалась. Ну ты же умная, подскажи что-нибудь...

— Инна, я сама в шоке, не знаю, что тебе сказать...

Однако встретив этого прапорщика однажды в нашей общаге, я ему спокойно так вынесла вердикт:

— Если не хотите неприятностей, оставьте Настю в покое... Вернитесь в семью и забудьте эту общагу навсегда! Девушка еще несовершеннолетняя. Вам должно быть стыдно...

Мужчина прямо-таки прилип к полу. Видимо, он стал выяснять у девчонок, кто это ему лекцию о морали читал. Девчонки, конечно же, меня узнали и передали мне ответ: «Мол, с прибабахом эта ваша Янка, старая дева, наверное. Вот и завидует вам, молодым...». Больше я его в общаге не видела.

Я сделала внушение и Насте. Напомнила ей о судьбе нашей дворничихи Женьки. Девушка была гораздо старше нас всех, даже старше, чем я, и жила в нашей общаге с маленьким сыном. Никто не знал, была ли она замужем или просто осталась одна с ребенком, потому что условный отец оказался несерьезным и безответственным человеком. Она плохо ладила с нашими воспитателями, и те грозились лишить ее родительских прав — якобы за то что Женька часто напивается и избивает своего ребенка. Всю подноготную этой девушки никто не знал. Я лично пьяной ее никогда не видела.

Меня поражало в ней другое: она была очень красива и совершенно нелюдима... Невысокого роста, стройная, легкая, с необыкновенно выразительными глазами и светлыми волнистыми волосами. Я с ней здоровалась, но Женька никогда не отвечала на мои приветствия, только смотрела на меня своими зеленовато-бирюзовыми глазами, в которых застыло столько боли, что описать невозможно... Она окидывала меня взглядом сверху донизу, а я чувствовала, как колющие ледяные лучи ее глаз пронизывали все мое существо, и мне тоже становилось больно... Я внушала Насте: «Нельзя кого попало приближать к себе, а то получится, как у Женьки, на нее смотреть больно. Сначала надо узнать человека, понять, что ему от тебя надо, а потом ставить свои условия. А то получается ерунда какая-то: он тебе никто и звать никак, а ты с ним в постель ложишься... Это как?!». Настена роняла слезы и хлюпала носом. Что тут скажешь...

В чем-то этот прапорщик был прав. Засиделась я в общежитии. Уже все девчонки, что когда-то вселялись вместе со мной, давно выскочили замуж или завели детей, переместились в семейные общежития. Вновь прибывшие, понятное дело, были совсем малолетки, я по сравнению с ними была «мамочка» и вела себя соответственно. Парни тоже приходили к ним «молодые-зеленые», их сразу после школы в армию забирали тогда. Некоторые уже отслужили и продолжали получать образование в школе прапорщиков. Им было от силы лет двадцать — двадцать два, может быть. Обычно, ко-

гда в субботу или в воскресенье девчонки встречали своих «гостей», мы с Татьяной, моей соседкой по комнате, частенько уезжали за город, или я уезжала в публичную библиотеку. Учеба становилась все сложнее и требовала от меня много времени и сил. Но сколько не сиди в библиотеке, ночевать надо возвращаться в общагу. А возвращалась я в самый разгар пира. Увидев меня, девчонки заходили и начинали рассказывать новости за день. Татьяна не любила эти наши посиделки, поэтому я брала пачку сигарет и уходила с девчонками в курилку. Покурив и поболтав, мы расходились.

Но однажды я замешкалась в курилке и туда заглянул кто-то из «гостей».

— О, я тебя ищу!

Я очень удивилась: парень был мне совершенно незнаком. А он продолжал:

— Слушай, я хочу сказать... давай дружить...

Мне стало смешно, и я откровенно рассмеялась. Парень был симпатичный, сероглазый, светленький, с веснушками на носу.

Я спросила:

— Как вас зовут?

— Василий.

— Василий, вы, наверное, обознались, я вас вижу первый раз, и вы меня тоже.

Какая ж тут дружба может быть?

Парень смутился, покраснел, а я продолжала:

— Дружить можно с ровесником, с одноклассником, с соседом на крайний случай. А со мной... ну, это как со старшей сестрой дружить... Вам надо искать ровесницу, такую же молодую и симпатичную, как вы! А мне проще... э... э... усыновить вас! Я снова рассмеялась. У меня на это нет ни сил, ни времени.

«Усыновить» — это было большое преувеличение, конечно же, но мне хотелось его чем-то подколоть, и я сказала первое, что пришло в голову.

— Да, я знаю, что вы старше... И что? А если вы мне нравитесь... и чего тут такого?

— Да ничего такого, Вася! Просто у вас все еще впереди... Спасибо за ваши добрые намерения! Но у вас своя дорога, а у меня своя.

Мой новый знакомый посмотрел на меня своими ясными глазами, в которых читались удивление, недоумение, растерянность и неловкость за то, что он пришелся не ко двору, и парень медленно пошел восвояси, к остальным «гостям». А я смотрела ему вслед и думала: «Ну это ж надо: давай дружить! Хороший, славный мальчик! Только совсем жизни не знает...».

Я вспомнила, как наша уборщица Валя, приходя к нам на работу каждое утро, материлась последними словами, убирая кухню, туалеты, биде. Я удивлялась: почему она такая злая, что у нее не так? И почему она поносит нас последними словами? Что мы ей плохого сделали? Потом я познакоми-

милась с ней поближе и узнала немного о ее семейной жизни. Валя рассказала, как она случайно попала в дом к одной ленинградской семье.

— Я никогда не видела такой запущенной квартиры, — рассказывала она. —

Я решила все убрать, и чистила эту квартиру, наверное, месяц, еле добилась чистоты.

Семья состояла из трех человек. Папа, мама и сын. Сын учился в школе милиции. Папа и мама были уже пенсионеры. Очень пожилые. Сами уже убираться не могли, а мальчик ведь не должен эту работу делать. Вале нужно было жилье. Она недолго думая женила этого мальчика на себе, родила дочку, которую тоже иногда приводила с собой на работу. Оставить было не с кем. Дети, как известно, часто болеют.

Она иногда говорила своему мужу:

«Ну что, не жалеешь, что на старушке женился?»

Муж, разумеется, не жалел. Разница в возрасте у них была десять лет. Не так уж и страшно. Просто Валя работала на тяжелой работе. Она была миловидная симпатичная женщина, но выглядела уставшей и, что греха таить, просто замученной.

Конечно, разленившийся на своих дежурствах до основания и практически не просыхающий муж, был очень доволен своим положением. Валя волокла на себе весь дом. Платила за квартиру, воспитывала дочь, готовила, стирала, убирала, смотрела за престарелыми родителями, была «и швец, и

жнец, и на дуде игрец». Валя собирала мешками бутылки в общаге, которые ее муж сдавал в приемном пункте, деньги тратил на опохмел и снова пировал. Валя была для его семьи настоящее сокровище! Вот только о самой Вале никто не заботился. Поэтому она и самовыражалась у нас в общаге. Для себя я решила, что выйду замуж только за ровесника или за мужчину, который будет хотя бы лет на пять старше меня: так возиться с малолетним мужем я никогда не смогу...

«Человек — как кирпич: обжигаясь, твердеет»

Б. Шоу

В нашей компании была еще одна девочка, Роксана. Роксана была явно с нерусскими корнями. Я сначала думала, что она армянка. У нее было очень белое лицо, на голове копна черных выющихся волос и черные бархатные глаза. Верхние и нижние ресницы так длинные, что не пропускают дневной свет, глаза кажутся совершенно черными и мягкими, как бархат. Но потом выяснилось, что она с Кавказа, кабардинка. Я смотрела на нее и удивлялась своим мыслям: вот вроде я ее где-то уже видела, понимая прекрасно, что нигде я ее видеть не могла. И однажды хлопнула себя по лбу и воскликнула:

«Так это же Бэла, из "Героя нашего времени" Лермонтова!».

Помните, как М. Ю. Лермонтов описывает первую встречу Бэлы и Печорина? Они встретились на праздновании местной свадьбы. Молодые люди танцевали и пели. То де-

вушка выходила на круг, то юноша, хлопали в ладоши и что-то пели на своем языке. К Печорину подошла младшая дочь хозяина дома, лет шестнадцати, и пропела ему, так сказать, комплимент: «Стройны, дескать, наши молодые джигиты, и кафтаны на них серебром выложены, а молодой русский офицер стройнее их, и галуны на нем золотые. Он как тополь между ними; только не расти, не цвести ему в нашем саду». Выслушав комплимент, Печорин встал, поклонился ей и попросил своего переводчика ответить. Когда она отошла, переводчик спросил:

«Ну что, какова?».

«Прелесть, — отвечал он. — А как ее зовут?»

«Ее зовут Бэлою», — отвечал он.

«И точно, она была хороша: высокая, тоненькая, глаза черные, как у горной серны, так и заглядывали вам в душу. Печорин в задумчивости не сводил с нее глаз, и она частенько исподлобья на него посматривала...»* — так Лермонтов описывает завязку этой трагической новеллы.

Да, Роксана очень мне напоминала Бэлу из этой новеллы. Роксана была так же хороша, как та черкешенка у Лермонтова. Выросла она в хорошей семье, где и отец, и мать не знали, как уже угодить любимому чаду. Вроде бы она уже успела побывать замужем, а потом что-то не заладилось, и она решила уехать в Ленинград. Устроилась здесь в бухгалтерию на цветочном комбинате и жила с нами в общежитии. Конечно, имея такую кинематографическую внешность, Роксана про-

сто купалась во внимании со стороны мужского населения. С ней знакомились все! Пойдет к врачу зуб лечить — а тот ей уже свидание назначает; зайдет на рынок — там все кавказские торговцы стоят по стойке смирно и причмокивают губами: «Ай, какой красавица! Иди ко мне, персик подарю!».

«Интересно, — думала я, — если есть Бэла, должен быть и Печорин!» Вскоре появился и «Печорин». Это был курсант артиллерийского училища по имени Александр. Роксана не была влюблена, она играла вниманием своих поклонников и только смеялась, если они обижались на нее. Точно так же ровно она относилась и к Александру. Даже мне его было жалко. Он был хороший парень, только безбашенный. Часто в курилке мы обсуждали Сашку и его влюбленность в нашу «Бэлу».

— Эх, наш-то Сашка-артиллерист залепил свои трехдюймовые глазки, аки младенец, и ничего не хочет ни видеть, ни понимать! Ну не пара он Роксане, — горячилась Настя. — Что бы он для нее ни делал, все — бац-бац — и мимо! А он не понимает... все на что-то надеется.

Однажды сию на кровати, ноги укутала одеялом — осень уже, холодно, но снега еще не было.

Приходит Настя и говорит:

— Там под окном Сашка, мы решили его на этаж поднять, поможешь?

— Вы обалдели? — отвечаю. — А если он упадет и убьётся? Третий этаж все-таки...

— Да ничего с ним не будет. Просто надо помочь.

— Как вы собираетесь это сделать?

— Свяжем простыни, он — хоп-хоп — и залезет!

— Ага, а за ним наряд — тут нас всех и повяжут, сплетни по району пойдут, стыда не оберемся! Пропишут нас в газетах! Типа «не ходите, мальчики, вечером гулять», а то женское население одной общаги разными хитрыми способами заманивает курсантов прямо в окно, аж на третий этаж. Даже военизированный наряд не в силах был отбить своих коллег, такие свирепые амазонки оказались...»

— Короче, Трындычиха, ты будешь помогать или трындеть?

— Я, знаешь ли, не Леонид Жаботинский, чтобы вашего Сашку в окна затаскивать!

Но это была интрига! Зачем Сашке понадобилось в будний день тащиться в общагу? Понятно, что в двери его не пропустят, наши «бабушки-секьюрити» знали всех в лицо. Я пошла с Настей. Окно в комнату было открыто настежь. Роксана с Инной связывали простыни. Дали мне в руки одну, сказали: «Потяни!».

Я потянула за конец простыни, и она сразу же развязалась!

— Ну что это за узел, во-первых, надо его дальше от края делать. А с другой стороны крепче затягивать!

Начали снова связывать простыни. Связали, наверное, штук пять, опустили в окно и стали смотреть, далеко ли еще до земли. Спросили у Сашки, готов ли он лезть по нашему

«канату». Сашка подпрыгнул и схватился за первый узел, мы почувствовали натяжение. Но не успели упереться во что-нибудь, «канат» выпал из наших рук, а Сашка свалился на газон и стал ржать. Лежит на газоне и заливается смехом, так ему весело...

Пришлось начинать все сначала. Снова связали пять простыней, Сашка привязал те простыни, что остались у него в руках, и полез. Мы в этот раз сели на пол, уцепились за простыни и уперлись ногами в стену. Пять секунд... и Сашка влетел в окно аки сказочный Финист — Ясный Сокол!

Так что, девочки, не верьте в сказки! Все делается руками подруг в этой жизни! А то придумывают в этих сказках — мол, девица-красавица взаперти сидит, мается, злая мачеха над ней насмехается... Ага! Общага наша вполне могла сойти за такой закрытый терем, да и на вахте у нас Церберы сидели злее, чем в Аиде, только нашим девицам-красавицам было все нипочем! Подобно Сашке, слетались сюда разные Финисты — Ясные Соколы и Орлы, и Беркуты, и Вороны! Хрясь об землю — и перед тобой уже Иван-Царевич! Ну и подумаешь — в зюю иногда, ну и подумаешь — слесарь на заводе... Все равно Королевич! Вот откуда эти сказки-то пошли, а? Ясно дело, сочиняли их в общаге!

Я сразу отправилась к себе. Из разговоров знаю, что Сашка решил уточнить у Роксаны в последний раз, останется она с ним или нет...

Сцену эту я часто вспоминала, когда смотрела наш кине-

матографический бестселлер «Ирония судьбы, или С легким паром!»: когда Ипполит Георгиевич совершал свое омовение в ванной и сетовал, что «мы перестали делать милые и большие глупости, мы перестали лазить в окна к любимым женщинам!».

«Не перестали, — думала я, — не перестали, только смысла в этом было чуть, а если совсем честно, то и не было вообще».

Роксана вскоре вышла замуж, не за Сашку, конечно. За какого-то кавказца. А может, вернулась к своему бывшему? Или это он ее нашел? Очень давно это было... Я однажды случайно встретила ее. Роксана толкала впереди себя коляску с ребенком. Была довольно поздняя осень. Одета в черное тканевое длинное пальто и черную шапку. Мы поздоровались, на лице Роксаны ничего не отразилось, оно осталось застывшим и неприветливым. Она не собиралась со мной разговаривать, может, потому что холодно было, а может, не хотела. Ее всегда красивое белое личико осунулось, под глазами залегли темные тени, исчезли румянец и аура беззаботности, легкости, с которой она жила прежде. Мы обменялись парой фраз про общагу, про Инну и Настю. И почти сразу же попрощались. Роксана покатила коляску дальше, а я направилась в другую сторону, к автобусной остановке. По дороге я думала, что эта история еще хорошо закончилась, не так как у М. Ю. Лермонтова. Но Роксану было жаль. Такая красавица была, и вот в кого превратилась... Не стало в ней

жизни, а может, это мне просто показалось?

Происходили и другие весьма романтические истории. Всего не упомнишь, но еще одна такая история оказалась в моей записной книжке. Записала я ее давно. Девушки наши были весьма и весьма наивные и неискушенные в отношениях с мужским полом. Эта история несколько отличается от всех остальных. Она написана с точки зрения стороннего наблюдателя и называется «Как не стать собакой на сене», да простит меня великий Лопе де Вега...

О, никогда не создавай себе кумира, человек! Если любишь человека, люби его таким, каков он есть, нельзя познать его до конца, когда познаешь — умрет любовь. Человек и сам себя познать не может, он и хорош, и плох одновременно. Он просто человек, и любить в человеке нужно не застывший образ, не кумира, а человека. И тогда будет счастье. Никогда не думай, что ты познал все до конца, не будь homo faber — деловым человеком, будь просто человеком!

Макс Фриш, Homo Faber

Последние дни отпуска Татьяна жила в ожидании какого-то бедствия. Бедствие, крушение или еще что-нибудь должно было быть неминуемо. Она знала это, ждала и боя-

лась. Когда оставалась одна, плакала, на людях было легче. Но тревога не покидала ее. Почему он не ответил на письмо? Почему дважды не пришел на свидание? А ведь обещал клятвенно... Наверняка что-то случилось... Эта мысль неотступно кружилась и кружилась в ее голове, довлела несказанной тяжестью, измучила. Она все пыталась вычислить, где и когда был сделан неверный шаг, грозящий сейчас ей неминуемым разрывом.

Вспомнилась их первая встреча. Тогда был апрель, тревожный, ветренный. Скупое солнце только дразнило притворным теплом и поминутно пряталось в мутную серость облаков на темно-синем небе, которое грозило прорваться то градом, то снегом, то дождем... А в день их первой встречи солнце словно ошалело. Весь город сразу преобразился. Он весь сиял и купался в солнечных лучах, и они целый день мотались по людным набережным и говорили, говорили, говорили... Говорил больше он, она слушала. Ей нравилось его слушать. Ей нравился его голос. Он был у него какой-то необыкновенный: громкий и одновременно мягкий, бархатный. И губы он вытягивал вперед при каждом слове, будто прежде чем сказать, целовал это слово. Она тихо про себя смеялась, и сердце ее заполняла нежность к нему. Хотелось взять его под руку, прижаться к его плечу щекой и идти так долго-долго, закрыв глаза.

Татьяна узнала, что он был женат. У него растет ребенок, мальчик. А может, девочка... Татьяна точно не запомнила. Жена ушла от него. По какой причине, он так толком и не рассказал. И она не стала спрашивать.

Только один раз, когда они уже стали встречаться довольно часто, спросила:

— Влад, скажи, ты любил ее?

Он не сразу ответил. Он как-то не ожидал от нее этого вопроса.

— Ну как тебе сказать... Я не знаю, что такое любовь, но я делал для нее все. Понимаешь, все! Дома все делал. В техникум провожал и встречал. С полочки всегда цветы были. Розы белые. Она любила белые розы.

— Чем больше он говорил о жене, тем больше раздражался и даже начал злиться.

— Зачем спрашивать об этом? — недоумевал он. — Дело прошлое.

Эта ее настойчивость разобраться в его отношениях с женой начала страшно его раздражать.

И она это почувствовала и, стараясь сгладить неловкость за свой вопрос, прижала к себе его руку, заглянула просительно в глаза:

— Давай не будем об этом. Я испортила тебе настроение?

Он ничего не ответил.

В этот день он сделал ей предложение, получилось как-то спонтанно и неожиданно:

— Ну, так мы идем в загс?

Собственно говоря, это трудно было назвать предложением. Он ведь не сказал «выходи за меня...» или «давай поженимся». Поэтому она растерялась. Ей было почему-то жалко его в эту минуту. Очень жалко... Может, он сказал это, борясь в душе с каким-то отчаянием? Тогда бы и проявить максимум такта и осторожно дать ему понять, как он ей дорог, как он для нее много значит, но она не решилась. Насмешка судьбы!

Ее не покидала уверенность, что он дан ей навечно, и она стала нести какой-то вздор о краткости их знакомства, о необходимости закончить образование и еще много всего...

Но он ее уже не слушал:

— Голова болит, домой пора... — сказал вдруг он резко. Простились очень холодно.

В нем закипала обида и злость. Нет, не на нее. Он злился на себя, что сразу не понял эту девчонку, которая оказалась такой упрямой, да еще и с вывихом на любовной почве. Без любви, видите ли, она замуж не пойдет. А где она, эта любовь? Кто ее видел? Он снова вспомнил жену — ведь клялась, что любит и будет любить вечно. А в армию ушел, и вся ее любовь кончилась. Пришел из армии, а она чемодан на порог: мы с тобой жить не будем. И он ушел. Пил. Дрался. Вечером говорил матери:

— Мам, ну ты жизнь прожила. Скажи, почему другие живут с женами? Мужики пьют, бьют их, а они ведь не уходят... А моя ушла. Почему? Я же все для нее делал...

Мать отвечала на это:

— Злой ты, Владик, с тобой никто жить не будет... — Потом плакала и говорила, утешая:

— Ничего! Найдешь, встретишь свою женщину. Поскорей бы! Я же не вечная...

«Попробуй тут найди! — ругался он про себя. — Это ж бабы, разве их поймешь? Любовь им подавай! Да черт ее знает, что это такое! Откуда я знаю, что им любо, а что нет! А, к черту все!»

Влад ехал в трамвае и смотрел в окно, за которым мелькали только что посаженные березки с маленькими листочками. Весна. Погода налаживалась. Влад стал снова думать о своей жизни. Вспомнил, как однажды увидел свою жену и даже встретился с ней взглядом. В нем ничего не колыхнулось, и он сам удивился этому. Их дома стояли по соседству, и виделись они довольно часто. Иногда здоровались, а иногда делали вид, что не заметили друг друга. Влад вышел из вагона. Вагон покатил дальше, а он медленно пошел к дому.

Он вспомнил, как друг его, Мишка, сказал:

— Ты в курсе? Жена твоя замуж собралась!

Его бывшая выходит замуж? Эта мысль не укладывалась в

его голове. Как! Кто-то там, какой-то другой чувак будет рядом с ней? Он будет гладить по голове его ребенка и приносить ему конфеты и шоколадки? Владу вдруг стало так больно; везде было больно, обида душила его. Он — отец, и не имеет права переступить порог квартиры, а тот, чужой, там сейчас хозяин!

— Гад! — вырвалось у него машинально, и он замахнулся рукой, словно хотел выбить из ненавистой лапы того, другого, эту воображаемую проклятую шоколадку.

— Ненормальный! — отшатнулась от него идущая рядом женщина в синем плаще с большой коробкой в руках и с набитой авоськой.

Женщина подняла коробку с тортом перед собой, как щит, забыв про кремовые розы на нем. Она не ожидала столь буйных действий от мирно шагавшего рядом с ней гражданина.

— Простите... — пробормотал он и зашагал быстрее.

— Псих какой-то... — услышал он еще раз за спиной.

«Да-а-а, торту наверняка крышка!» — подумал он и расхохотался.

«Жена замуж собралась, ну и пусть! И я женюсь! Запросто. Мишка вчера говорил, что в нашу пожарку приглашение пришло. Мол, уважаемые мужчины, борцы огненного фронта! Цветочный комбинат приглашает вас на "Огонек", который состоится в женском общежитии комбината. А не пойти ли мне на этот "Огонек"? Наверняка там хорошие девча-

та живут, и какая-нибудь очень хочет выйти замуж. А я собственной персоной готов предложить ей руку и сердце!»

«Огонек» состоялся. Вино, фрукты, конфеты и танцы под магнитофон. За каждым столом сидело по шесть персон: три девушки и три юноши. Все мило, изыскано и просто. Девушки призвали все свое умение сервировать столы, подбирая скатерти, чайные сервизы, вазы с цветами и прочую утварь; кое-кто даже испек свой собственный пирог, ибо ничто так не привлекает мужчину, как определенные навыки в кулинарии. Истина известная. И девчонки старались вовсю. Да и, что греха таить, такие «Огоньки» нередко заканчивались хотя бы одной свадьбой, и девушки это

хорошо знали.

Столик, куда сели Влад, Мишка и Макс, оказался у окна.

Войдя в зал и оглядевшись, Мишка сориентировался моментально:

— Ребята, айда к окну, я уже глаз положил!

За столиком, куда Мишка глаз положил, сидели три девушки: все три миловидные, все три белокурые, все три с голубыми глазами.

Мишка галантно шаркнул ногой и, тряхнув кудрями, величественно произнес:

— Разрешите?

Расценив смущенные улыбки девушек как знак благосклонности, тотчас же уселся напротив темно-русой, которая, по всей видимости, и привлекла его всевидящее око.

Спустя минуту неловкого замешательства, сопровождавшегося покашливанием со стороны мужчин и улыбками со стороны девушек, стали знакомиться. Мишка бойко разливал вино по бокалом. Как только заиграла музыка, тотчас пригласил свою темно-русую Ундину на танго.

Зайдите на цветы взглянуть!

Всего одна минута.

Приколет розу вам на грудь

Цветочница Аню-у-у-у-та!

Там, где цветы, — всегда любовь.

И в этом нет сомнений!

Цветы любви нежнее слов

И лучше объяснений! —

Мишка подпевал, танцуя и разглядывая в упор свою но-

вую подругу. Он умел расслабляться и отдыхать всем на зависть.

Влад тоже пригласил на танец сидящую напротив него девушку. Девушка встала, Влад увидел, что дива на полголовы его выше, упитанная и корпулентная, с румянцем во всю щеку. Танцуя со своей дамой, Влад упорно соображал, что же ей сказать. Ведь надо же, наверное, что-то говорить? А у него, как назло, все выветрилось из головы.

«А! Я не знаю, как ее зовут», — осенило его.

— Как вас зовут? — спросил он шепотом и, встретив удивленный взгляд девушки, покраснел.

— У вас что, горло болит? — спросила она.

Он предварительно кашлянул в кулак, проверяя свои голосовые связки, но не рассчитал силу своего голоса и почти прокричал:

— Нет! Что вы!

На них стали оглядываться. Теперь покраснела девушка. Опять воцарилось молчание.

Однако, вспомнив его вопрос, девушка проговорила:

— Меня зовут Валя.

— Валентина, значит, — оживился он. — Хорошо, Валя. Я надеюсь... что... — он вдруг запнулся.

— Пойдем в кино! — неожиданно сказал он. — Давай уйдем отсюда!

— Неудобно... — она смотрела на него вопросительно и недоуменно.

А ему вдруг расхотелось идти с ней в кино. Расхотелось говорить. Он понимал: чем скорее он отсюда уйдет, тем будет лучше для него. Влад снова злился на себя. За каким чертом он сюда пришел? Никогда еще он не был в таком глупом положении. Ему казалось, что все знают, с какой целью он сюда пришел. И он совсем замкнулся и не пытался больше завести разговор с Вале́й. Прозвучал последний аккорд, Влад проводил свою даму за столик и вышел в коридор.

И тут он увидел Татьяну. Татьяна шла по коридору к лестничной клетке. Влад стремглав бросился к ней, опередил и преградил ей путь. Девушка попыталась его обойти справа, слева и наконец взглянула на него.

— Мы знакомы?

Влад опешил от этого взгляда. Голос тихий, спокойный, без истерики. Высокая. Белый плащ в талию, длинные волосы с рыжим отливом, лицо немного бледное, выразительные глаза и эта необычная стать и строгость! До чего хороша!

— А в чем дело? Давайте познакомимся! Меня зовут Влад. Я первый хулиган на районе!

— Вы, наверное, пришли на вечеринку? А что ж не веселитесь?

Влад разглядывал девушку и не мог найти слов, чтобы удержать ее, а она явно старалась «заговорить ему зубы» и исчезнуть где-то на верхних этажах. Потом иди, ищи-свищи

ее...

— Как вас зовут? Может, пойдём погуляем?

— Никогда ещё не гуляла с первым хулиганом, — сказала девушка. — Но вы явно не отвяжетесь, пока не добьётесь своего. Я Таня.

Девушка протянула ему руку. Рука была узкая, с длинными пальцами, и холодная. Влад взял её и поцеловал, он это в кино видел, что даме положено руку целовать.

Татьяна рассмеялась:

— Так вы хулиган с джентельменскими манерами? Может быть, не все потеряно?

И они оба рассмеялись.

Влад и Татьяна вышли из общежития, пошли по улице и вскоре вышли на Свердловскую набережную. Они пошли по направлению к Финляндскому вокзалу и гуляли так всю ночь. И потом он приходил к ней целых полгода, пока не сделал предложение.

Татьяна уже очень много знала о нём, и все же что-то оставалось в тени этих отношений. Да, Татьяна не могла принять его предложение, но и он не каждой его делал! С тех пор как кошка черная пробежала между ними. Татьяна мучилась, что обидела его отказом, но как сказать ему об этом, не знала. Он встал в позу и едва говорил с ней. Был уклончив, на прямые вопросы не отвечал. Внимание Татьяны льстило ему и давало богатую пищу его самолюбию. Семейная драма отошла далеко на задний план. Он сделал ещё одну попытку

возобновить отношения с Вале́й и получил положительный ответ. Очень смутно, где-то очень глубоко, его мучила совесть. Нечестно он поступал. Да что там нечестно. Это была банальная ложь — он дурил голову Татьяне, твердо решив жениться на Валентине.

Вскоре Татьяна уехала в отпуск. Когда вернулась, все девчонки в общежитии смотрели на нее, как если бы она вернулась... с кладбища. У всех в глазах была искренняя жалость и даже испуг! Что могло случиться в ее отсутствие? Татьяна достала брошюры и книги, которые приобрела, посещая города и веси бескрайней Руси-матушки. Раздала подругам незамысловатые сувениры. Подруги накрыли стол — маленький торт, свежий чай с мятой, бутерброды с сыром и с вареной колбасой — и начали пир. Татьяна рассказывала о своих впечатлениях, Ольга и Галя ее внимательно слушали.

— Девчонки, а может, водочки? — спросила Ольга. — У меня есть мизинчик!

— Тащи, — сказала подошедшая Алина.

На столе появились стопки, четвертушка и девчонки многозначительно помолчали.

А потом Ольга, глядя на Татьяну, сказала:

— Новости не ах какие радостные... Наша Валюша выходит замуж за твоего Владика. Предлагаю тост: давайте выпьем за то, чтобы такие козлы в нашей жизни больше не попадались...

Девчонки подняли стопки, чокнулись и выпили содержи-

мое. Татьяна сидела молча и не пила, она как будто застыла, смотрела прямо перед собой.

Алина стала тормошить ее за плечи:

— Да забудь ты этого хмыря! Не мужик был! Неужели будешь вот так убиваться? Гад он, все у тебя за спиной делал, устраивал свои подлые делишки и нервы тебе мотал. Да нафиг он сдался? Перекрестись, что все без последствий обошлось — и вперед! Тебе учебу закончить надо, а тут стресс такой!

— Да я все уже знаю, девчонки, — сказала Татьяна. — Как приехала, сразу ему и позвонила. Стыда натерпелась, господи боже мой! А он откровенно посмеялся надо мной и только...

— Ну ты подумай, какой кобель на сене! На одной женится, а другую не отпускает!

— Да это я — собака на сене, — продолжала Татьяна. — Он же меня звал замуж? Звал. Я не пошла? Не пошла. А зачем отношения продолжала? Зачем? Он вполне мог подумать, что меня устраивают свободные отношения... И ждал. Это я полная дура — вот и все! Жаль время потраченное. Теперь все кануло в Лету. Ох, девочки, придумала я себе кумира какого-то, а что происходило в реальности, не замечала. Урок мне на всю оставшуюся жизнь!

Ольга разлила еще водки по стопкам.

И, поднимая свою стопку, сказала:

— А черт с ней с этой собачьей свадьбой! Жена, ребенок,

одна баба, другая, и ты до кучи! Обидно, конечно. Но женатый мужик, даже бывший, он уже все — неисправим! Разве он не мог подождать, пока ты закончишь учебу? Нет, на жертву он не способен, ты должна идти на жертвы ради него. Нарцисс фигов! Давайте выпьем за настоящую любовь!

Татьяна слушала девчонок и то ли от мятного чая, то ли от стопки в теле разливалась приятная расслабленность, и мир вдруг вспыхнул теплыми яркими красками! Черно-белая лента стала цветной! Только теперь ее отпустило. Татьяна поняла, что беда, которой она так боялась, прошла стороной. Да, слегка зацепило. По касательной. Да, эмоций много было, душевный надрыв случился, как в тургеневском романе. Но это несмертельно... не катастрофа... Это даже... поучительно! Жизнь была в этом отношении к ней благосклонна. А Татьяна была бесконечно благодарна своим девчонкам, так благодарна, что слезы снова посыпались из глаз, но теперь это были слезы не от страха ожидания надвигающейся катастрофы, нет! Это были слезы облегчения, счастливые слезы!

Глава 2. «Не кочегары мы не плотники, а цветоводы...»

Эх, хорошо в стране советской жить!
Эх, хорошо страной любимым быть!
Эх, хорошо стране полезным быть!
Красный галстук с гордостью носить!

Эх, хорошо бойцом отважным стать!
Эх, хорошо и на Луну слетать!
Эх, хорошо все книжки прочитать!
Все рекорды мира перегнуть, перегнуть!

Песня «Эх, хорошо!»

Слова В. Шмидтгоф

Музыка И. Дунаевский

Пришло время рассказать о себе. Зовут меня Яня, близкие называли меня Яся. Полное мое имя — Янина. Когда я с кем-нибудь знакомилась и называла свое полное имя, люди поднимали брови и отвечали: «О, вас зовут, как Зо-лушку?», имея в виду актрису Янину Болеславовну Жеймо (1909–1987), которая снималась в самой первой картине про

Золушку на Ленфильме.

Драматург Евгений Шварц вспоминал: «...И вот пришел сорок пятый год, и я написал сценарий "Золушки". Кошеверова стала его ставить. А Янечка снималась в заглавной роли. И пасьянс вышел! Картина появилась на экранах в апреле 1947 года и имела успех».

Однажды Евгений Шварц встретил Янину Жеймо на Невском проспекте. «...Янечка маленькая, в большой соломенной шляпе, просвечивающей на солнце, в белом платье с кружевцами. Посреди разговора начинает она оглядываться растерянно. И я замечаю в священном ужасе, что окружила нас толпа. И какая — тихая, добрая. Даже благоговейная. Существо из иного праздничного мира вдруг оказалось тут, на улице. "Ножки, ножки какие!" — простонала десятиклассница с учебниками, а подруга ее кивнула головой как зачарованная. ...И на Янечкином лице я обнаружил вдруг скорее смущение и страх, чем радость. То самое чувство, что, словно проба, метит драгоценного человека».

Евгений Шварц с большой любовью относился к этой актрисе и очень сочувствовал, что Янине Жеймо мало приходилось сниматься. «Удивительно привлекательное существо, — писал он в своих дневниках. — Трагичны судьбы людей, обожающих искусство, но не имеющих никаких данных для того, чтобы им заниматься. Таких в театре — legion. Но еще трагичнее люди, рожденные для сцены или экрана, которые роковым образом сидят без работы. Жеймо сде-

лала десятую долю того, что могла бы. Должна была!»

В Литве, где я родилась, еще в школьные годы мы смотрели этот фильм каждый год перед Новым годом! Учителя отменяли уроки, и мы сидели в учительской перед телевизором и смотрели эту сказку. Тогда я совершенно ничего не знала об этой актрисе. А вот когда оказалась в архиве литературы и искусства, частенько встречала людей, которые занимались творчеством Евгения Шварца, Янины Жеймо, Леонида Трауберга, Григория Козинцева, Надежды Кошеверовой. Студенты, аспиранты и даже очень пожилые исследователи частенько писали о них свои диссертации, очерки, статьи, а мы, архивисты, готовили для них документы. Так мои знания стали более обширными.

Это было маленькое отступление. Продолжим наше повествование.

Жизнь состоит не в том, чтобы найти себя. Жизнь состоит в том, чтобы создать себя.

Б. Шоу

Каждая вторая девушка в Литве носит это имя. Может быть, посмотрев фильм «Золушка» с участием Янины Жеймо, женщины осознанно выбирали это имя для своих девочек? Мне не нравилось очень уж мягкое звучание этого име-

ни (Яня), и я решила его сделать более твердым. Стала всем говорить, что зовут меня Яна. А потом выяснилось, что в Чехословакии это самое популярное женское имя! По документам я — полька. Я понимаю этот язык, могу говорить, читаю, правда, с трудом, а письменной речью не владею совсем. Родным языком считаю русский. В Литве и в Латвии я училась в русской школе. Результатом обучения в этих школах стала полная моя неспособность к изложению своих мыслей на русском языке, я плохо писала сочинения, что весьма осложняло мое намерение поступить в вуз. Дома с родственниками и в школе с подругами я говорила на польском. Мой билингвизм сыграл со мной злую шутку. Мне пришлось заново учить русский язык.

Я приехала в Ленинград сразу после окончания средней школы и подала документы в педагогический институт имени А. И. Герцена на филфак. После нашей деревенской школы выдержать конкурс шесть к одному я не смогла. Я сдала все экзамены, но баллов было недостаточно, чтобы пройти на дневное отделение, а вечернего в институте не было. И тогда я поступила в ПТУ-51 на озеленение. Природу я любила. Училище окончила с отличием. Нам торжественно вручили дипломы и поселили в рабочем общежитии на третьем этаже. В каждой комнате жило по два-три человека.

Окончив училище, я задумалась: как же мне реализовать свою мечту и поступить на филфак, в университет? Я решила весь год заниматься только подготовкой. В выходные си-

дела в читальном зале районной библиотеки и перечитывала программные произведения, которые могли стать темой сочинения. Иногда ездила за город, в Токсово, Сосново или в Кавголово. В Кавголово находилась спортивная база нашего треста, там можно было взять лыжи и покататься с горы или погулять на лыжах по лесу. Во мне томился деревенский житель, которому было тесно в нашей общаге, да и в городе тоже.

Мы приступили к работе. Вставали рано, работа начиналась в восемь утра. И хотя дипломы у нас были по специальности «Цветовод-декоратор», на практике все выглядело иначе. Нам выдали ватники, резиновые сапоги, лопаты и повезли на объект. На объекте нам сказали: половина группы будет «отбивать бровку», а другая половина — «планировать газон». К нам подошла высокая загорелая женщина и повела к куче земли. Там уже были вбиты колышки, между которыми с одной и с другой стороны был натянут шнур, метров сто. С одной стороны бровка была уже отбита, так что если бы мы сделали то же самое с другой — получилось бы что-то вроде корыта. Это и было корыто дороги, как нам объяснили после. В корыто насыпали щебень, ровняли его, затем грейдер подвозил и рассыпал мелкую гранитную крошку, а пузатый каток это все укатывал, чтобы получилась твердая упругая дорожка.

Работала я, как положено, не отлынивала. Это отмечали даже старые работницы газонов. Чаще всего мы сажали ку-

сты и деревья. Иногда надо было ровнять огромные площади газонов. Сначала лопатой, затем граблями. Простоять восемь часов на лопате был еще тот кайф! Обратно в общагу добирались где-то в шесть часов вечера. Мы договаривались с девчонками по очереди стряпать простую еду, но часто эти договоренности нарушались, и каждый пытался, как получится. А получалось или кефир с булкой, или картошка с докторской колбасой. Мы все стали набирать в весе. И с этим надо было как-то бороться!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.